

БЫТИЙНЫЕ И ЛОКАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ – ЧТО ИХ РАЗЛИЧАЕТ? ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИЛИ ДИАТЕЗА? *

Владимир Борщев, ВИНТИ РАН, Москва
Barbara H. Partee, University of Massachusetts, Amherst, USA
borshev@linguist.umass.edu, partee@linguist.umass.edu

Содержание

0. Введение.....	1
1. Арутюнова и Ширяев: бытийные и локативные (локальные) предложения	2
2. Babby о «декларативных» и «экзистенциальных» предложениях	3
3. Падучева о конструкции генитива отрицания: генитивные глаголы, Наблюдатель	5
4. Наша схема.....	5
4.0. Чем же отличаются бытийные предложения от «нормальных»?.....	5
4.1. ВЕЩЬ и МЕСТО.....	6
4.2. Структура перспективы	7
4.3. Структура перспективы и диатеза	8
4.4. Падучева: предложениям с перцептивными генитивными глаголами естественно сопоставлять те же роли – ВЕЩЬ и МЕСТО	10
4.5. Генитивные (бытийные ?) предложения с референтной ВЕЩЬЮ	10
5. Conclusions	11
ЛИТЕРАТУРА	11
Приложение. Цитаты и пояснения.....	14

0. Введение

Тема нашего доклада тесно связана с генитивом отрицания в русском языке (Genitive of Negation) – классическая тема, обсуждаемая еще со времен Пушкина.¹

Самые известные имена: Пешковский, Карцевский, Якобсон, Ицкович, Арутюнова, Апресян, Богуславский, Падучева, Chvany, Babby, Corbett, Timberlake, Pesetsky, Mustajoki, Perlmutter, Guiraud-Weber. Более или менее полная библиография заняла бы, наверное, десятки страниц. Причем поток работ явно не иссякает. Тема это явно задевает многие глубинные проблемы русского синтаксиса и семантики. О некоторых из этих проблем мы и хотим сегодня поговорить, в частности, о некоторых подходах, предлагавшихся для описания противопоставления бытийных и локативных предложений: гипотеза unaccusativity, структура Темы-Ремы, семантика «генитивных» глаголов.

* We are grateful for valuable discussion of these topics over a number of years to Elena Paducheva, Ekaterina Rakhilina, Leonard Babby, Petr Sgall and Eva Hajičová, Wayles Browne, Catherine Chvany, Nomi Erteschik-Shir, Hana Filip, David Perlmutter, Tanya Yanko, and too many others to name; see acknowledgements in our earlier papers as well. This material is based upon work supported by the National Science Foundation under Grant No. 0418311 to Partee and Borshev for a project entitled, “The Russian Genitive of Negation: Integration of Lexical and Compositional Semantics.”

¹ Ярлык генитив отрицания соотносят с двумя противопоставлениями: Nom-Gen (генитив субъекта), *Письмо не пришло vs Письма не пришло* и Acc-Gen (генитив объекта), *Я не получил письмо vs Я не получил письма*. С противопоставлением бытийных и локативных предложений связан генитив субъекта, в этом докладе мы будем обсуждать только генитив субъекта.

Работы, которые были для нас фундаментом (обозначим их именами): Арутюнова и Ширяев (1983), Babby (1980), Падучева (1992, 1997, 2004, 2005, 2006а,б,в), Chvany (1975), Kondrashova (1996).

Наша основная идея – «структура перспективы», разное когнитивное представление ситуации, используемое в бытийных и локативных предложениях. Мы считаем, что на уровне синтаксиса это противопоставление проявляется не в структуре Темы-Ремы, а в разных диатезах.

1. Арутюнова и Ширяев: бытийные и локативные (локальные) предложения

Структура бытийных предложений: выделяются три компонента: локализатор (именующий «область бытия»²), имя «бытующего предмета» и «бытийный глагол»:

(1) *В этом краю* (локализатор) *есть* (бытийный глагол) *леса* (имя «бытующего предмета»)

При отрицании имя «бытующего предмета» стоит в **генитиве** (генитив субъекта):

(2) *В этом краю нет лесов*

Локализатор «представляет область бытия» – «мир в целом» или «фрагмент мира», «внешний» или «внутренний микромир человека». Допускаются временные значения. Локализатор может отсутствовать.

«Место **бытийного глагола** могут занимать его эквиваленты и аналоги: *существовать, иметься, бывать, водиться, встречаться, попадаться* и нек-рые др.»

«...**Имя** в Б.п.³ имеет неопределенную референцию (указывает на принадлежность предмета к к.-л. классу. Это отличает Б.п. от локальных, в которых обычно идет речь об определенном предмете, являющемся темой сообщения; ср.(3) и (4).)» [В (3) темой является локализатор, а бытующий объект относится к реме]

(3) *В зале был (стоял) рояль*

(4) *Этот рояль был (стоял) раньше в зале*

[**Мы** выделяем в бытийных и локативных предложениях те же элементы, но используем другие, более короткие ярлыки для локализатора и бытующего объекта: МЕСТО и ВЕЩЬ соответственно.]

Отмечается, что бытийные предложения обладают **различными коммуникативными формами...** В частности « Будучи в норме темой, локализатор может составить рему в Б.п. со значением обладания (см.(5)). Глагол *есть* служит знаком неопределенности предмета; ср. Б.п. (5) и локальное предложение (6)».

(5) *У кого есть машина? – Машина есть у Петрова*

(6) *Где (у кого) машина? – Машина у Петрова*

Соотношение бытийных и локальных предложений: «Локальные предложения, как и бытийные, отражают пространственно-предметный аспект мира. Между бытийными и локальными отношениями имеется, однако, существенное различие. Оно состоит в том,

² В кавычках приводятся термины и цитаты из статьи Арутюнова-1997. Выделения наши.

³ Б.п. – бытийное предложение

что в бытийных предложениях данным, известным является **место**, а сообщаемым – его «предметное наполнение». В локальных предложениях, наоборот, исходным пунктом сообщения служит известный говорящему **предмет** (предметы), а сообщаемым – местопребывание этого предмета (предметов). Ср.: *В зоопарке есть слон* и *Этот слон находится в зоопарке*. В первом (бытийном предложении) сообщается о том, что есть в зоопарке, а во втором – локальном – о том, где находится данный (определенный) слон.

Коммуникативная инверсия сопровождается в этом случае **изменением референции имени**. В бытийном предложении имя не указывает на предмет, известный обоим собеседникам (ср. *В зоопарке, кажется, есть какой-то слон*); в локальном предложении речь идет о вполне определенном, конкретном предмете (ср. *Слон Чанго находится сейчас в зоопарке*)...»

[Говоря, что в отрицательных бытийных предложениях всегда используется генитивная конструкция (см. (2) выше), Арутюнова и Ширяев не делают «обратного утверждения», что эта конструкция (генитив субъекта) используется только в бытийных предложениях.]

2. Babby о «декларативных» и «экзистенциальных» предложениях

Сфера действия отрицания. Тема и Рема.

Babby противопоставляет декларативные⁴ и бытийные (existential) предложения. Сокращения: NDS/NES – negated declarative/existential sentence (и, соответственно, ADS/AES – affirmative declarative/existential sentence для утвердительных). В NDS подлежащее в номинативе, а в NES – в генитиве (см. классические примеры (8) и (9) ниже).

Основную идею Babby можно считать уточнением представлений Карцевского и Якобсона (см. приложение). Она иллюстрируется схемой (7): декларативные и бытийные предложения отличаются сферой действия утверждения (отрицания).

(7)	AFFIRMATIVE		NEGATED
	EXISTENTIAL	[Scope of A VP NP] ⇒ _{NEG}	[_{ne} VP NP _{gen}]
	DECLARATIVE	NP [Scope of A VP] ⇒ _{NEG}	NP _{nom} [_{ne} VP]

Так, декларативное предложение (8a) предполагает, что *сток талых вод* был, и сообщает, что он *не наблюдался* (отрицается только, что он *наблюдался*). Бытийное предложение (8б) отрицает то, что такая вещь, как *сток талых вод* вообще имела место⁵.

⁴ Термин «декларативные» представляется не слишком удачным, он не несет естественных ассоциаций, хотя и имеет некоторую историю. Для Babby это просто “nonexistential assertive sentence”. Локативные предложения являются подклассом декларативных.

⁵ См. обсуждение этих примеров в Апресян 1985: «В современной терминологии в случаях типа *Стока талых вод не наблюдалось*, *Мороза не чувствовалось* нет пресуппозиций и утверждается несуществование или полное отсутствие предмета речи: стока талых вод вообще не было, мороз не имел места. Наоборот, предложения *Сток талых вод не наблюдался*, *Мороз не чувствовался* чаще всего содержат пресуппозицию

- (8) (а) *Сток талых вод не наблюдался* (б) *Стока талых вод не наблюдалось*
 (9) (а) *Мороз не чувствовался* (б) *Мороза не чувствовалось*

По схеме (7) декларативное предложение состоит из двух частей – подлежащего (именной группы), находящегося вне сферы действия утверждения/отрицания, и сказуемого (глагольной группы), которое находится в сфере действия утверждения (отрицания). Бытийное же предложение, грубо говоря, состоит из одной части (иногда используется термин «нерасчлененное высказывание»). Оно, прежде всего, утверждает или отрицает существование («бытование» по Арутюновой) того, что обозначается именной группой.

Babby связывает сферу действия утверждения (отрицания) с делением предложения на Тему-Рему. Он замечает, что разные авторы определяют понятия Темы и Ремы по-разному, но большинство из них сходятся в том, что Рема – это то, что утверждается в утвердительном предложении и отрицается в общеотрицательных предложениях. Для Babby Рема и сфера действия отрицания – это «разные термины для одного и того же» (Babby 1980, p.103). И там же: «Когда утвердительное предложение отрицается, действие отрицания определяется ремой; тема соответственно находится вне сферы действия отрицания». p.103). Обстоятельство места, если оно есть, в отрицательном предложении принадлежит Теме. Но Babby не считает МЕСТО обязательным компонентом ситуации.

Итоговая схема Babby для бытийных предложений имеет вид:

- NEG
- (10) [R_{heme} V NP] ⇒ [ne VP NP_{gen}]
- Условия: (a) NP is indefinite
 (b) V is semantically empty

Схема эта описана как трансформация, выполняемая при некоторых условиях (a) и (b). Мы вернемся еще к этим условиям. А пока заметим, что условие (b) требует, чтобы в генитивной конструкции употреблялись только «семантически пустые» глаголы. Иногда их называют «слабыми», иногда говорят, что глаголы в этой конструкции «линяют» (bleach), теряют свое исходное значение.

Книга Babby уникальна по богатству собранного в ней материала и его анализу. Приводимые в ней данные и особенности генитивной конструкции тщательно структурированы.

Но с основными схемами книги, (7) и (10), мы не можем вполне согласиться. Так, понятие «сфера действия отрицания» требует уточнения⁶. Мы считаем, что схема (10), верна не для всех бытийных предложений. Бытийные предложения могут обладать разной коммуникативной структурой: см. пример (5), приводимый Арутюновой и Ширяевым, или наш пример (11) ниже (слово *кефира* в в этом примере относится, на наш взгляд, к Теме).

существования предмета речи и утверждается только то, что он не выполнял определенных действий или не находился в определенном состоянии: сток талых вод в принципе происходил, но за ним не велось наблюдений, мороз имел место, но не мог быть ощущен (например потому, что все были тепло одеты).» (Апресян 1985:295-296).

⁶ Возможная переформулировка – считать причиной различий декларативных и бытийных предложений не сферу действия отрицания (утверждения), а разные пресуппозиции. Но и тут возникают трудности (см. Partee and Borschev 2001), однако эта тема находится за пределами данного доклада.

(11) [*Я искал кефир и зашел в магазин на углу.*] *Кефира в магазине не было.*

Признание этого факта разрушает схему (10), вернее, требует ее переосмысления. На наш взгляд, разница между бытийными и локативными предложениями не может быть объяснена соотношением их Тема-Рематических структур.

Заметим, что Babby, наряду с оппозицией Темы-Ремы, рассматривает и другую оппозицию: *старая (данная) – новая информация*. И, судя по приводимым им примерам, он относил бы слово *кефира* в (11) к старой информации, но к реме. Мы же, в соответствии с традициями Пражской школы и работами российских лингвистов, склонны относить их к Темам соответствующих предложений. Мы вернемся к этому в разделе 4.

3. Падучева о конструкции генитива отрицания: генитивные глаголы, Наблюдатель

Е.В. Падучева посвятила рассматриваемой конструкции (GenNeg) целый ряд работ (Падучева 1992, 1997, главы книги 2004, 2005, 2006а, 2006б, 2006в). Она называет глаголы, употребляемые в такой конструкции, *генитивными*, причем делит их на два класса – *бытийные* и *перцептивные (глаголы восприятия)*. При этом она подчеркивает роль Наблюдателя в семантике отрицательных предложений с перцептивными глаголами. Наряду с «классическими» бытийными предложениями, она рассматривает предложения с глаголами восприятия и отмечает роль Наблюдателя в семантике данной конструкции.

Понятие Наблюдателя было предложено (кажется) Ю.Д. Апресяном. Так, в приводимом им примере (12) естественно считать, что в ситуации присутствует Наблюдатель, заметивший всадника на горизонте.

(12) *На горизонте показался всадник*

Падучева также считает, что в ситуации, описываемой предложениями (8б) и (9б) присутствует Наблюдатель. Она ничего не говорит о роли Наблюдателя для семантики предложений с субъектом в номинативе, например, (8а) и (9а).

Заметим также, что Падучева рассматривает генитивные конструкции с референтными именами, противопоставляя их номинативной конструкции (13а,б):

(13) (а) *Маша не видна* (б) *Маши не видно*

(14) *Коли нет (не было) в Москве*

Она считает, что такие генитивные конструкции возможны только с перцептивными глаголами, в частности считает глагол *быть* в предложении (14) генитивным и описывает семантику таких предложений (13б) и (14) с помощью Наблюдателя.

4. Наша схема

4.0. Чем же отличаются бытийные предложения от «нормальных»?

Фундаментальное отличие бытийных предложений от локативных («нормальных») осознается всеми исследователями, работающими в этой области. Неформальные описания этих типов предложений обычно довольно близки. Скажем, мы, как и Падучева., выделяем роли ВЕЩЬ и МЕСТО, роли эти восходят к работе Арутюновой и Ширяева (Babby не акцентирует роль МЕСТА). Многие авторы так или иначе

формулируют интуитивные представления, которые мы разделяем: В бытийных (в смысле Арутюновой и Babby) предложениях предидируется существование в МЕСТЕ (или восприятие по Падучевой) каких-то ВЕЩЕЙ (их появление, и т.п.). В «нормальных» предложениях предидируются свойства или действия уже существующих ВЕЩЕЙ.

Менее ясно, как эти различия (между бытийными и локативными предложениями) должны быть эксплицированы в тех или иных теоретических рамках. Скажем, Babby очень четко описывает эти различия, но мы не готовы согласиться с многими положениями его описания: для него фундаментальную роль играет структура Темы-Ремы, МЕСТО в его описании не играет существенной роли, а ВЕЩЬ не может быть референтной. Цель нашей работы – эксплицитный анализ, включающий разделяемые нами представления Арутюновой и Ширяева, Падучевой и ряда других наших коллег.

4.1. ВЕЩЬ и МЕСТО.

Можно было бы сказать, что ВЕЩЬ и МЕСТО – это *роли* глагола *быть*, но лучше считать, что это роли *участников ситуации* (или *состояния*) бытия или «местонахождения». Так, в предложении (11) ВЕЩЬ – это *кефир*, а МЕСТО – *в магазине*. МЕСТО может быть указано явно, как в (11), подразумеваться, как в (8) и (9).. Важно, что бытие всегда мыслится в некотором МЕСТЕ. Подразумеваемое МЕСТО задается контекстом. Это обычно «здесь» или «там», «сейчас» или «тогда», скажем, там и тогда, где чувствуется мороз или наблюдался сток талых вод. В предложениях «существования» МЕСТО естественно отождествлять «со всем миром». Такое расширительное понятие МЕСТА аналогично предложению Jackendoff'a (1972) о метафорическом расширении “being in location”, включающем в себя “being in some state”, “occurring in some spatiotemporal region”, “being in someone’s possession” (а также бытие в «перцептивном пространстве Субъекта сознания» – Падучева).

Таким образом, мы принимаем тезис **ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ БЫТИЯ**:

(15) Бытие ВЕЩИ – это всегда ее бытие в некотором МЕСТЕ.

Мы можем представить схему как бытийных, так и локативных предложений, описывающих ситуацию бытия или «местонахождения», как «квазиформулу» BE(THING, LOC) (В этой «квазиформуле» BE – это любой бытийный глагол, а THING и LOC – ВЕЩЬ и МЕСТО). При этом если локативное предложение предидирует, что ВЕЩЬ находится в некотором МЕСТЕ, то в бытийном предложении эта предикация как бы “turned around”, и утверждается, что в данном МЕСТЕ находится ВЕЩЬ

Но каким образом и на каком уровне структуры предикация “turned around”?

Babby считает, что это различие в структуре Темы-Ремы. Мы же, опираясь на примеры типа (5) и (11) утверждали, что искомое различие между бытийными и локативными предложениями описывается не структурой Темы Ремы, а тем, что мы назвали «Структурой перспективы» (Borschev and Partee 2002b,c, Partee and Borschev 2006) (см. раздел 4.2).

Мы предполагали, что на структурном уровне различие между бытийными и локативными предложениями можно описать с помощью понятия диатезы: бытийные и локативные предложения можно было бы считать разными диатезами, по-разному структурирующими одну и ту же или аналогичные ситуации. На синтаксическом уровне этим диатезам соответствуют разные структуры, включающие ВЕЩЬ и МЕСТО, причем

каким-то глаголам подходит только одна структура, другим – другая. а каким-то глаголам подходят обе. (см. раздел 4.3).

4.2. Структура перспективы

Мы считаем, что декларативные и бытийные предложения различаются **выбором перспективы**, точки зрения, с которой мы рассматриваем соответствующие ситуации. Выбор перспективы – это, так сказать, разное когнитивное представление аналогичных ситуаций. Мы можем описывать ситуацию бытия с точки зрения ВЕЩИ, или с точки зрения МЕСТА. В первом случае мы как бы следим за ВЕЩЬЮ, предполагаем ее существование и говорим о ней, о ее, так сказать, поведении в ситуации, о связанных с ней действиях или о ее состоянии. Это декларативные, в частности, локативные предложения. Во втором случае мы смотрим на ситуацию с точки зрения МЕСТА и следим в первую очередь за тем, какие ВЕЩИ есть, а каких нет в этом МЕСТЕ. Это бытийные предложения.

Можно воспользоваться метафорой (кино)камеры. Обозревая ситуацию, камера может быть сфокусирована на «герое» (ВЕЩИ в нашей терминологии), следить за ним и его жизнью в МЕСТЕ (или за тем, что он отсутствует в МЕСТЕ), а может быть сфокусирована на этом МЕСТЕ и наблюдать, какие герои появляются (или не появляются) в нем.

Формально мы сводим понятие перспективы к выделению (маркированию) одного из этих участников ситуации, участника, с точки зрения которого мы эту ситуацию рассматриваем. Мы будем называть выделенную роль **центром перспективы**.

Итак, мы считаем, что бытийные предложения отличаются от аналогичных декларативных предложений разной структурой перспективы. В бытийном предложении центром перспективы является МЕСТО, а в декларативном – ВЕЩЬ.

В частности, форма отрицательных бытийных предложений – генитив субъекта и безличное сказуемое – определяется выбором перспективы (тем, что центром перспективы МЕСТО). Выбор коммуникативной структуры отрицательных бытийных предложений (т.е. структуры Темы-Ремы) не зависит, вообще говоря, от структуры перспективы (хотя тут возможны корреляции).

Принимается также **тезис СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦЕНТРА ПЕРСПЕКТИВЫ:**

(16) Если участник ситуации бытия (ВЕЩЬ или МЕСТО) выбран в качестве центра перспективы, то принимается пресуппозиция его существования.⁷

Итак, мы предлагаем интуитивное, содержательное представление о перспективе и очень простую *схему*, именно схему, а не формализацию. Эту схему можно было бы представить в виде «квазиформул» (17a,b), в которых подчеркнута выделенная роль – центр перспективы:

- (17) а. BE (THING, LOC) – структура утвердительного декларативного предложения
б. BE (THING, LOC) – структура утвердительного бытийного предложения

Для отрицательных предложений нужно, конечно, добавить знак отрицания.

Предлагаемая схема достаточна груба и может уточняться по многим параметрам.

⁷ Мы подробнее рассматриваем разные пресуппозиции, принимаемые в соответствии в бытийных и декларативных предложениях, в нашей работе Borschev and Partee 2002b.

Таким образом, мы считаем, что фундаментальное различие бытийных и декларативных предложений заключается не в их коммуникативной структуре, а в выборе перспективы. Это фундаментальное различие проявляется в синтаксисе. Если синтаксис декларативных предложений более или менее одинаков в разных языках, то синтаксис бытийных предложений очень разнообразен (от языка к языку). Языку как бы хочется сделать МЕСТО подлежащим. И некоторые языки «могут себе это позволить» (см., например, Bresnan and Kanerva 1989). Для большинства языков это невозможно и каждый язык находит для бытийных предложений свои средства.

С точки зрения структуры дискурса, утвердительное декларативное предложение (с глаголом *быть*) имеет смысл рассматривать, как сообщение о том, что ВЕЩЬ, именуемая подлежащим, имеет свойство «быть (или не быть) в данном МЕСТЕ», т.е. предикат бытия в данном МЕСТЕ выполняется или не выполняется для ВЕЩИ. А бытийное предложение, это сообщение о том, что МЕСТО обладает свойством, что «там есть ВЕЩЬ (нет ВЕЩИ)», т.е. предикат существования ВЕЩИ выполняется или не выполняется для данного МЕСТА. Но, повторяем, формализацию еще предстоит построить.

Понятие перспективы требует обсуждения и осмысления, прежде всего, в ряду таких понятий, как подлежащее и его роль в предложении, коммуникативная структура (Тема-Рема), личные и безличные предложения, и т.п. Так центр перспективы действительно часто совпадает с Темой, особенно в утвердительных предложениях. Бытийные отрицательные предложения, как отмечал еще Пешковский (1938), близки безличным, а Perlmutter and Moore (2002) считают безличными и утвердительные бытийные предложения.

4.3. Структура перспективы и диатеза

Какое же место занимает Структура перспективы в грамматике? Структура эта не совпадает со структурой Темы-Ремы, это не синтаксическое понятие. Как же оно соотносится со структурой предложения?. Мы считаем, что Структура перспективы прочувствуется в семантической интерпретации синтаксических различий, различий, которые могут моделироваться различным образом в разных теориях, которые тем или иным образом отражают относительный **ранг** именной группы, соответствующей ВЕЩИ, по сравнению с рангом выражения, соответствующего МЕСТУ.

Это различие аналогично различию ситуаций **покупки** и **продажи**. Это аналогично также противопоставлению Figure-Ground или противопоставлению выражений «А выше В» или «В ниже А».

Мы хотели бы уточнить эту гипотезу и поместить ее более широкий теоретический контекст.

- Отвечая на вопрос «где в грамматике» лежит выбор Структуры перспективы» мы принимаем гипотезу, что это выбор диатезы, выбор среди двух аргументных структур для глагола, аргументами которого являются ВЕЩЬ и МЕСТО, аналогично выбору аргументной структуры для глаголов *spray* (*мазать*), *load* (*загружать*)⁸.

⁸ Это прототипические глаголы, обсуждаемые в работах по выбору диатезы.

Процитируем Падучеву (2004, стр. 59):

Принципиальное значение для формирования понятия ранга имели соображения, высказанные в Wierzbicka 1980b: 70. В (П-19) при переходе от (П-19а) к (П-19б) происходит повышение в ранге (promotion) участника Место и понижение (demotion) участника МАССА; в позицию объекта попадает участник, который представляет главный интерес:

- (П-19) а. загрузил наши кирпичи на свой грузовик;
 б. загрузил детский грузовик кирпичами. (Padučeva 2004, p.59)

Роли в двух диатезах (П-19а-б) показаны в (наших) (18а-б)

- (18) а. Nom загрузил Acc на + Acc
 Agt Incr Theme⁹ МЕСТО
 б. Nom загрузил Acc Instr
 Agt Incr Theme СРЕДСТВО

- (П-19а) и (П-19б) различаются семантически. В каждом предложении аргумент, представленный прямым дополнением, понимается как «полностью» задействованный.
- В (П-19) **меняются три вещи:**
 - (i) коммуникационный ранг двух участников
 - (ii) сфера действия «за-»: она содержит только дополнение в аккумулятиве
 - (iii) МЕСТО перестает быть МЕСТОМ (при переходе от (П-19а) к (П-19б)) или СРЕДСТВО перестает интерпретироваться как СРЕДСТВОМ (при переходе от (П-19б) к (П-19а))

Разница в коммуникационном ранге отличается от разницы в структуре Темы-Ремы: каждое из предложений (П-19а) к (П-19б) может изменить порядок слов, соответствующий структуре Темы-Ремы.

Можно сравнить выбор диатезы типа *spray/load* (одинаковый в английском и русском языках), статус которого дебатруется с другим альтернативным выбором в английском языке.

Альтернативный выбор *give/send* в английском языке иллюстрируется ниже

- (19) а. ‘double object’ *Ann sold Beth the car*
 NP₀ V NP₁ NP₂
 б. ‘prepositional object’ *Ann sold the car to Beth*
 NP₀ V NP₂ to NP₁

Интерпретация выбора *give/send* в английском языке дебатруется: является ли этот выбор диатезой с реальным семантическим эффектом (Krifka 1999), или это разница в структуре Темы_Ремы (Levin and Rappaport Novav 2002)?

Мы считаем, что различие бытийных и локативных предложений – это выбор разных диатез с реальным семантическим эффектом, а не изменение структуры Темы-Ремы.

⁹ “Incremental Theme” is a term introduced by Dowty (1989, 1991) for the affected object of глаголы накопления результата. It was earlier introduced as “Gradual Patient” by Krifka (1986, 1989).

Чем различаются при этом синтаксические структуры? В Западной Славистике предлагаются разные ответы в разных синтаксических теориях. Но все согласны с тем, что субъектная именная группа в Локативном предложении в соответствующем бытийном предложении понижает свой ранг и занимает позицию, соответствующую позиции прямого дополнения в транзитивном предложении (так называемая “Unaccusative hypothesis”). Мы не синтаксисты и не имеем собственной точки зрения по этому поводу, но мы согласны с тем, что субъектная именная группа в бытийном предложении как-то понижает свой ранг, а МЕСТО в каком-то смысле повышает свой ранг, хотя большинство синтаксистов¹⁰ согласны с тем, что МЕСТО не становится подлежащим (субъектом).

4.4. Падучева: предложениям с перцептивными генитивными глаголами естественно сопоставлять те же роли – ВЕЩЬ и МЕСТО

В этом случае МЕСТО – это «перцептивное пространство Субъекта сознания».

Поэтому можно, как это в общем-то делает Babby, объединять объединять в один класс «классические» бытийные предложения с соответствующими «перцептивными» предложениями (не отрицая различий между ними, считая их разными подклассами). Этот класс можно назвать «бытийными предложениями в широком смысле», включив туда и другие подклассы – с глаголами появления (*появляться, возникать* и т.п.), , модальными глаголами и т.д.. Так, по-видимому, считает и Babby, относящий к бытийным предложения (8б), (9б) и предложения типа *Справки не требуется*.

Заметим, что разные языки могут по-разному ограничивать класс бытийных предложений.

4.5. Генитивные (бытийные ?) предложения с референтной ВЕЩЬЮ

Предложения типа (20) и (21) с генитивным субъектом не считаются обычно бытийными (во всяком случае Babby и Арутюнова не считают их таковыми).

(20) *Ивана не было на лекции.*

(21) *Петинного дневника на столе не было*

Приводятся следующие аргументы. Функция бытийных предложений – установить референтность. Поэтому бытийные предложения по определению (условие (а) в схеме (10)) не допускают собственных имен и других определенных именных групп в качестве подлежащего. Предложения же типа (20) и (21) считаются не бытийными, а локативными. Однако в них генитивный субъект является Темой, а обозначение места (locative adverbial) относится к Реме. И поэтому причисление этих предложений к декларативным (в данном случае, локативным) противоречит схеме (10). Babby объясняет это следующим образом: когда локативные предложения содержат *быть*, они настолько близки бытийным, что русская грамматика использует для них то же «генитивное» правило, что и для бытийных.¹¹

¹⁰ кроме Kondrashova (1996).

¹¹ Babby писал (см. Babby-1980:124): It may be that when locatives contain the verb *byt'*, they are so close to existentials syntactically that Russian grammar simply treats them the same with respect to genitive marking. If this proposal is correct, it means that genitive marking in sentences with the verb *byt'* is an automatic syntactic rule that marks the subject NP genitive if the sentence contains a locative adverbial (see Arutjunova 1976:212 for similar suggestion).

Перечисленные выше аргументы «против бытийности» предложений типа (20) и (21) не представлялись нам вполне убедительными. Мы приводили контраргументы, которые сводились к следующему:

1) Контраст этих предложений с «подлинно локативными»

Эти предложения во многом аналогичны предложениям с нереферентными участниками. Также, как у многих последних, у них есть «парные» (к ним) варианты предложения типа (22), несомненно локативные:

(22) *Иван не был на лекции*

2) Тезис относительности бытия (15)

Предложения (20) и (21) с референтными субъектами отрицают не бытие ВЕЩИ вообще, а ее бытие в МЕСТЕ. Отрицание бытия таких ВЕЩЕЙ в МЕСТЕ не противоречит их существованию *вне* МЕСТА (СЦЕНЫ) ситуаций, описываемых этими предложениями, т.е. существованию в «большом месте», в мире. То, что Ивана не было на лекции, а Петинного дневника на столе, не противоречит их существованию в мире.

5. Conclusions

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. (1980) Типы семантической информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». В сб. *Ю.Д. Апресян Избранные труды, том II*, М. Школа «Языки русской культуры», 1995, 8-101. Первоначально в *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband № 1*, Wien, 1980.
- Апресян Ю.Д. (1985) Синтаксические признаки лексем. *Russian Linguistics* 9: 289-317.
- Апресян Ю.Д. (1986) Дейксис в грамматике и лексике и наивная модель мира. *Семиотика и информатика*, вып. 28, 5-33.
- Апресян Ю.Д. (1992) Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*). НТИ, серия 2, № 3, 20-33.
- Арутюнова Н.Д. (1976) *Предложение и его смысл*. Москва: Наука.
- Арутюнова Н.Д. и Е.Н. Ширяев (1983) *Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение)*. Москва: Русский язык.
- Арутюнова Н.Д. (1997) Бытийные предложения. *Энциклопедия «Русский язык»*. Москва: Большая Российская энциклопедия, 57-59.
- Борщев В.Б. (1996) Естественный язык – наивная математика для описания наивной картины мира. *Московский лингвистический альманах*, вып. 1: 203-225.
- Борщев В.Б., Barbara H. Partee. (1998a). Бытийные предложения и отрицание в русском языке: семантика и коммуникативная структура. В сб. *Труды Международного семинара Диалог '98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям* (под ред. А.С. Нариньяни). Казань, Хетер, 173-182.
- Борщев В.Б. и Барбара Х. Парти (2002a). О семантике бытийных предложений. *Семиотика и информатика*, вып. 37, Москва, ВИНТИ, 59-78
- Ицкович В.А. (1974). Очерки синтаксической нормы. В сб. *Синтаксис и норма*, М.: Наука, 43-106.
- Карцевский С.О. (1928) *Повторительный курс русского языка*. Москва-Ленинград.
- Ковтунова И.И. (1976) *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. Москва: Русский язык.
- Падучева Е.В. (1992). О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *БЫТЬ*. *Russian Linguistics* 16: 53-63.

- Падучева Е.В. (1997). Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? *Вопросы языкознания* 2: 101-116
- Падучева Е.В. (2004). *Динамические модели в семантике и лексике*. Москва: Языки славянской культуры.
- Падучева Е.В. (2005). Еще раз о генитиве субъекта при отрицании. *Вопросы языкознания* 5: 21-43
- Падучева Е.В. (2006a). Родительный отрицания и проблема единства дейктического центра высказывания.
- Падучева Е.В. (2006б). Генитив дополнения в отрицательном предложении. *Вопросы языкознания* 6: 21-43.
- Падучева Е.В. (2006в). Диатеза, генитив отрицания, наблюдатель. В сб. *Проблемы типологии и общей лингвистики*. Санкт-Петербург: «Нестор—История», 103-109.
- Пешковский А.М. (1938) *Русский синтаксис в научном освещении*. Издание 6-е, Москва.
- Abels, Klaus. (2002) "Expletive (?) negation". Jindrich Toman, ed. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Second Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10)*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1-21.
- Babby, Leonard. 1980. *Existential Sentences and Negation in Russian*. Ann Arbor, Michigan: Karoma Publishers.
- Babby, Leonard. ms. 2000. The genitive of negation and unaccusativity. Ms., Princeton University.
- Babby, Leonard H. 2001. The genitive of negation: a unified analysis. In *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Bloomington Meeting 2000 (FASL 9)*, eds. Steven Franks, Tracy Holloway King and Michael Yadroff, 39-55. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.
- Babyonyshev, Maria A. (1996) *Structural Connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese*. Ph.D. dissertation, MIT. Distributed by MIT Working Papers in Linguistics, Cambridge, MA.
- Babyonyshev, M., R. Fein, J. Ganger, D. Pesetsky, and K. Wexler (ms. 1998) The maturation of grammatical principles: evidence from Russian unaccusatives. Ms. MIT, Cambridge, MA,
- Bach, Emmon. 1986. Natural language metaphysics. In *Logic, Methodology and Philosophy of Science VII*, ed. Ruth Barcan Marcus et al., 573-595. Amsterdam: Elsevier.
- Bailyn, John F. (1997) Genitive of negation is obligatory. In Wayles Browne, Ewa Dornsich, Natasha Kondrashova, and Draga Zec, eds., *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Cornell Meeting 1995*. [FASL 4], Ann Arbor, Michigan: Michigan Slavic Publications, 84-114.
- Barwise, Jon and John Perry. 1981. Situations and attitudes. *The Journal of Philosophy* 78, 668-691.
- Borschev, Vladimir and Barbara H. Partee. (1998b) Formal and Lexical Semantics and the Genitive in Negated Existential Sentences in Russian. In *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997*, ed. Željko Bosković, Steven Franks and William Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 75-96.
- Borschev, Vladimir and Barbara H. Partee (2002b). The Russian genitive of negation in existential sentences: The role of Theme-Rheme structure reconsidered. In Eva Hajičová, Petr Sgall, Jiří Hana, and Tomáš Hoskovec, eds. *Travaux du Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série)*, v. 4. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 185-250.
<http://people.umass.edu/partee/docs/GenNegTravaux.pdf>
- Borschev, Vladimir, and Barbara H. Partee. 2002c. The Russian genitive of negation: Theme-rheme structure or perspective structure? *Journal of Slavic Linguistics* 10:105-144.
<http://people.umass.edu/partee/docs/BorschevParteeJSL2002.pdf>
- Borschev, Vladimir, Elena V. Paducheva, Barbara H. Partee, Yakov G. Testelefs and Igor Yanovich (2006) Sentential and Constituent Negation in Russian BE-sentences Revisited. In *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Princeton Meeting 2005 (FASL 14)*, eds. Hana Filip, Steven L. Franks, James Lavine and Mila Tasseva-Kurktchieva. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 50-65. <http://people.umass.edu/partee/docs/FASL14.pdf>
- Bresnan, Joan, and Jonni M. Kanerva. 1989. Locative inversion in Chichewa: a case study of factorization in grammar. *Linguistic Inquiry* 20:1-50.

- Brown, Sue. 1999. *The Syntax of Negation in Russian: A Minimalist Approach*. Stanford: CSLI Publications.
- Chvany, Catherine V. 1975. *On the Syntax of BE-Sentences in Russian*. Cambridge, MA: Slavica.
- Comorovski, Ileana. 1995. On quantifier strength and partitive noun phrases. In *Quantification in Natural Languages*, eds. Emmon Bach, Eloise Jelinek, Angelika Kratzer and Barbara H. Partee, 145-177. Dordrecht: Kluwer.
- Dowty, David. 1989. On the semantic content of the notion of 'thematic role'. In *Properties, Types, and Meanings. Volume 2: Semantic Issues*, eds. Gennaro Chierchia et al., 69-130. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Dowty, David. 1991. Thematic proto-roles and argument selection. *Language* 67:547-619.
- Erteschik-Shir, Nomi. 1997. *The Dynamics of Focus Structure*. Cambridge: Cambridge University Press. [Cambridge Studies in Linguistics 84]
- Gundel, Jeannette. 1977. *Role of Topic and Comment in Linguistic Theory*. Bloomington: Indiana University Linguistics Club.
- Guiraud-Weber, Marguerite. 1984. *Les propositions sans nominative en russe moderne*. Institut d'Etudes Slaves. Paris.
- Guiraud-Weber, Marguerite. 2003. Еще раз о русском генитиве отрицания. *Russian Linguistics* 27: 363-384.
- Hajičová, Eva. 1973. Negation and Topic vs. Comment. *Philologia Pragensia* 16: 81-93.
- Hajičová, Eva. 1974. Meaning, presupposition and allegation. *Philologia Pragensia* 17: 18-25.
- Hajičová, Eva. 1984. On presupposition and allegation. In *Contributions to Functional Syntax, Semantics and Language Comprehension*, ed. Petr Sgall, 99-122. Amsterdam: John Benjamins.
- Hajičová, Eva, Barbara H. Partee, and Petr Sgall. (1998) *Topic-focus articulation, tripartite structures, and semantic content*. Dordrecht: Kluwer.
- Jackendoff, Ray. 1972. *Semantic Interpretation in Generative Grammar*. Cambridge: MIT Press.
- Jackendoff, Ray. 1990. *Semantic Structures*. Cambridge: MIT Press.
- Jacobs, J., ed. 1992. *Informationstruktur und Grammatik*. (= *Linguistische Beiträge*, Sonderheft 4.)
- Junghanns, Uwe and Gerhild Zybatow. 1997. Syntax and information structure of Russian clauses. In *FASL 7, The Cornell Meeting*, ed. W. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova, and D. Zec, 289-319. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.
- Kondrashova, Natalia (1996) *The Syntax of Existential Quantification*. Ph.D. dissertation, University of Wisconsin, Madison.
- Krifka, Manfred. 1986. Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen, Universität München: Ph.D. dissertation; published as Krifka 1989.
- Krifka, Manfred. 1989. *Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen*: Studien zur Theoretischen Linguistik. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Krifka, Manfred. 1999. Manner in dative alternation. In *WCCFL 18: Proceedings of the Eighteenth West Coast Conference on Formal Linguistics*, eds. Sonya Bird et al., 1-14. Somerville/Medford, MA: Cascadia Press.
- Krifka, Manfred. 2004. Semantic and pragmatic conditions for the Dative Alternation. *Korean Journal of English Language and Linguistics* 4:1-32.
- Levin, Beth, and Malka Rappaport Hovav. 2002. Handout Spain: What Alternates in the Dative Alternation? The 2002 Conference on Role and Reference Grammar: New Topics in Functional Linguistics: The Cognitive and Discursive Dimension of Morphology, Syntax and Semantics, Universidad de La Rioja, Logrono, Spain, July 27-28, 2002.
- Partee, Barbara H., and Vladimir Borschev (2002). Genitive of negation and scope of negation in Russian existential sentences. In *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Second Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10)*, ed. Jindrich Toman, 181-210. <http://people.umass.edu/partee/docs/ParteeBorschevFASL10.pdf>
- Partee, Barbara H., and Vladimir Borschev. 2006. Information structure, Perspectival Structure, diathesis alternation, and the Russian Genitive of Negation. In *Proceedings of Ninth Symposium on Logic and*

- Language (LoLa 9), Besenyőtelek, Hungary, August 24–26, 2006*, eds. Beáta Gyuris et al., 120-129. Budapest: Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, Theoretical Linguistics Programme, Eötvös Loránd University. <http://www.nytud.hu/lola9/proceedings.html>
- Peregrin, Jaroslav. 1995. Topic and Focus in a Formal Framework, In *Discourse and Meaning: Papers in Honor of Eva Hajičová*, ed. B.H.Partee and P. Sgall, 235-254. Amsterdam: John Benjamins.
- Pereltsvaig, Asya. 1999. The genitive of negation and aspect in Russian. In *McGill Working Papers in Linguistics* 14, eds. Yvan Rose and Jeff Steele, 111-140. Montreal: McGill University.
- Perlmutter, David, and John Moore. 2002. Language-internal explanation: The distribution of Russian impersonals. *Language* 78:619-650. <http://ling.ucsd.edu/~moore/impersonal.pdf>
- Pesetsky, David. 1982. *Paths and Categories*. Unpublished Ph.D. dissertation. Cambridge: MIT.
- Steube, Anita and Andreas Späth. To appear. Determination in German and Russian. To appear in *Travaux de Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série)*, v. 3. Prague.
- Szabolcsi, Anna. 1986. From the definiteness effect to lexical integrity. In W. Abraham and Sj. de Meij, eds., *Topic, Focus, and Configurationality*. Amsterdam: John Benjamins, 321-348.
- Ward, Gregory and Betty Birner. 1995. "Definiteness and the English existential", *Language* 71, 722-742.
- Wierzbicka, Anna. 1980. *The Case for Surface Case*. Ann Arbor: Karoma.
- Yokoyama, Olga T. 1986. *Discourse and Word Order*. Amsterdam: John Benjamins.

Приложение. Цитаты и пояснения

Апресян о GenNeg (с цитатами из Пешковского, Карцевского и Якобсона):

« В некоторых общеотрицательных предложениях русского языка возможны, как известно две основные падежные формы подлежащего – именительный падеж и родительный падеж: *Письмо не пришло – Письма не пришло*. Синтаксическая, семантическая и коммуникативная специфика второй из этих конструкций – одна из классических тем общей и русской грамматики, породившая огромную литературу.» (Апресян 1985:292).

Другая особенность отрицательных предложений с родительным субъекта – это не согласованное с субъектом «безличное сказуемое». Такие предложения часто классифицируются как безличные, хотя, как замечает Пешковский, «Предложения эти безличны только при отрицании. По устранении отрицания они переходят в личные...» (Пешковский 1938, с.334).

Приведем еще одну цитату из Апресяна:

«Ключом к пониманию рассматриваемой конструкции является восходящее к давним работам С.О. Карцевского и Р. Якобсона положение о том, что в отрицательных предложениях с родительным падежом “отрицается само подлежащее” (Якобсон), а в отрицательных предложениях с именительным падежом “отрицается не подлежащее, а его деятельность” (Карцевский), или, говоря словами Р. Якобсона, “только действие”.» (Апресян 1985: 295)